

«Я БЕРЕЖЛИВ... ОТ НЕПРИВЫЧКИ К ДЕНЬГАМ»: ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ КОМАНДИРОВКИ И. А. ГОНЧАРОВА НА ФРЕГАТЕ «ПАЛЛАДА»

А. Ю. Балакин
(С.-Петербург)

В середине мая 1852 г. император Николай I утвердил решение Министерства иностранных дел послать морскую экспедицию к Восточным берегам России под руководством вице-адмирала Е. В. Путятина с целью «добиться разрешения китайских властей на посещение русскими торговыми судами открытых портов при сохранении прав России на сухопутную торговлю через Кяхту, а затем приступить к переговорам с Японией о заключении торгового договора» (цит. по: Файнберг 1960: 144). Однако подлинная цель экспедиции держалась в секрете; официально было объявлено, что она отправляется для обозрения русских поселений на Тихом океане. 7 октября 1852 г. флагманский корабль экспедиции фрегат «Паллада» покинул Кронштадт. На его борту находился автор знаменитого романа «Обыкновенная история», младший столоничальник Департамента внешней торговли Министерства финансов И. А. Гончаров, отправленный в кругосветную командировку как секретарь адмирала.

Следствием путешествия к берегам Японии стала книга очерков «Фрегат “Паллада”», вышедшая отдельным изданием в 1858 году. Эта книга добавила лавров ее автору: она была тепло принята и критикой, и публикой, надолго войдя в число любимых книг русского юношества о путешествиях. Сам Гончаров писал впоследствии, что она «как роза без шипов, принесла мне самому много приятного, или, лучше сказать, одно приятное, не причинив ни одного огорчения!» (Гончаров 1980: 473)¹.

¹ Из письма к П. Б. Ганзену от 30 августа 1878 г.

Кроме того, секретарство у Путятина способствовало стремительному карьерному росту Гончарова. Поступив на службу в мае 1835 г. в чине губернского секретаря (12-й класс), он к моменту командировки, то есть за 18 лет, достиг лишь чина коллежского асессора (8-й класс)², пожалованного ему в ноябре 1851 г. Но только за один 1855 год Гончаров шагнул на целых три ступени вверх по служебной лестнице. 16 февраля он получил чин надворного советника (7-й класс), причем со старшинством задним числом с июля 1851 г.³, 17 июля был произведен в коллежские советники (6-й класс) со старшинством с 5 октября 1854 г., а 16 декабря 1855 г. «согласно воле его императорского высочества генерал-адмирала [т. е. морского министра вел. кн. Константина Николаевича⁴. – А. Б.], министр финансов входит со всеподданнейшим докладом о награждении Гончарова, вне правил, чином статского советника <5-й класс> за особые заслуги его по званию секретаря при генерал-адъютанте графе Путятине, и его императорскому величеству благоугодно было изъявить на сие высочайшее соизволение, о каковом производстве Гончарова в статские советники состоялся высочайший приказ по гражданскому ведомству от 25 декабря 1855 г.»⁵. За короткий срок писатель превратился из «скромного чиновника, в форменном фраке, робеющего перед начальническим взглядом» (Гончаров 1997: 11), как он сам аттестовал себя в начале своего путешествия, в бюрократа довольно высокого ранга, известного не последним лицам государства.

² Напомним, что чин 11-го класса в гражданской Табели о рангах фактически отсутствовал.

³ Еще ранее, 5 июня 1854 г., по ходатайству Путятина и министра финансов П. Ф. Брока Гончарову было дано высочайшее разрешение также задним числом именоваться коллежским асессором с 10 сентября 1846 г.

⁴ Согласно «Адрес-календарю» на 1855 год, официально вел. кн. Константин Николаевич не имел должности в Морском министерстве, но фактически руководил им (еще в 1854 г. Е. В. Путятин свои донесения из плавания адресовал «Его Императорскому Высочеству, управляющему Морским Министерством», хотя формально первым лицом в Министерстве числился А. С. Меншиков). Поэтому, чтобы не путаться и не множить сущности, здесь и далее мы будем именовать его морским министром.

⁵ Выписка из формулярного списка Гончарова (цит. по: Суперанский 1916: 177); из этого же источника заимствована приведенная выше информация о его службе.

Однако служба у Путятина дала Гончарову не только импульс для творчества и не только карьерный рост. Она была чрезвычайно выгодна и в финансовом аспекте. Об этом свидетельствуют бумаги, сохранившиеся в фонде канцелярии генерал-интенданта Морского министерства, где отложились дела о финансировании экспедиции Путятина.

14 июля генерал-интенданту флота было дано высочайшее распоряжение, где говорилось:

Государь император высочайше повелеть соизволил: при отправлении фрегата «Паллада» для дальнего плавания, руководствуясь прежними примерами:

- 1., Выдать пособие командиру и офицерам.
- 2., Начать производство заграничного, по положению, жалованья (т. е. двойного) со дня прибытия фрегата в Копенгаген.
- 3., Заграничные порции командиру и офицерам назначить по *пятидесяти шести* руб. сер. на офицерскую порцию, в морской месяц, считая также со дня прибытия в Копенгаген⁶.

В августе начались поиски человека, который мог бы выполнять обязанности секретаря Путятина и, возможно, по возвращении написать книгу о путешествии. В письме от 23 августа Гончаров сообщал своим друзьям Языковым: «...один из наших военных кораблей идет вокруг света на два года. Аполлону Майкову предложили, не хочет ли он ехать в качестве секретаря этой экспедиции, причем сказано было, что, между прочим, нужен такой человек, который бы хорошо писал по-русски, литератор. Он отказался и передал мне; я принялся хлопотать из всех сил, всех, кого мог, поставил на ноги и получил письмо к начальнику экспедиции. Но вот мое несчастье: на днях этот начальник выехал на некоторое время в Москву и, воротясь оттуда, тотчас отправится в море, так

⁶ РГА ВМФ. Ф. 157 (Комиссариатский департамент Морского министерства). Оп. 1. Ед. хр. 855 («Об отправлении фрегата «Паллада» в дальнее плавание с генерал-адъютантом Путятиным»). Л. 3. Дальнейшие ссылки на эту единицу хранения будут даваться в тексте с указанием листа; орфография и пунктуация приближена к современным нормам.

что едва ли я успею видеть его <...>. Впрочем, во всяком случае мне советовали повидаться с начальником экспедиции и узнать от него подробнее, что нужно» (Гончаров 2017: 100).

Несмотря на то, что Гончаров происходил из достаточно зажиточной купеческой семьи, в молодости он был весьма стеснен в средствах. По словам исследователя, изучившего финансовое положение писателя во вторую половину его жизни, он «не владел собственностью и капиталом и всю жизнь должен был служить и рассчитывать только на себя», что обусловило «в высшей степени трезвое, прагматичное и инструментальное отношение к деньгам» (Вдовин 2015: 319). В письме к своей близкой подруге С. А. Никитенко от 3 (15) июля 1866 г. Гончаров вспоминал, что у него за плечами «пройденная школа двух десятков лет, с мучительными ежедневными помыслами о том, будут ли в свое время дрова, сапоги, окупится ли теплая, заказанная у портного шинель в долг?» (Гончаров 1952: 351). Такое положение способствовало выработке крайней расчетливости, которую неблизкие писателю люди принимали за скупость. «Я бережлив, это правда, – писал Гончаров той же Никитенко 18 сентября 1870 г., – но не от скупости, т. е. не от бессмысленного желания держать деньги в сундуке, а прежде всего – от непривычки к деньгам и от неумения обращаться с ними, как у всех, не богатых с молода и не обеспеченных людей. А потом – от страха – попасть в безденежье и стать в фальшивое или горько-зависимое, словом, крайнее положение» (цит. по: Вдовин 2015: 313). Зная это, нельзя сомневаться, что, кроме романтических соображений, Гончарова не могли не привлечь и финансовые условия службы у Путятина⁷.

⁷ В позднейших воспоминаниях племянника писателя, А. Н. Гончарова (который крайне негативно относился к своему дяде), имеется следующее свидетельство: «...уезжая в кругосветное плавание, он обратился к моему отцу с просьбой ссудить ему две тысячи рублей, и тогда наша мать выслала ему эту сумму, частью заняв ее у какого-то купца под залог дома, а частью взявши из своего приданого. (Деньги эти Гончаров возвратил нам, вернувшись из путешествия.)» (цит. по: Суперанский 1908: 33). О том же он писал 26 октября – 4 ноября 1891 г. М. М. Стасюлевичу, в журнал которого «Вестник Европы» предлагал свои воспоминания: «...когда И. А. уезжал в кругосветное плавание, то обратился к отцу с просьбой дать ему займы 1 ½ или 2 т<ысячи> руб<лей>».

28 августа адмирал ходатайствовал о назначении автора «Обыкновенной истории» своим секретарем, 9 сентября получил на то высочайшее соизволение, а уже 17 сентября Гончарову было предписано явиться в Инспекторский департамент Морского министерства для улаживания всех бюрократических формальностей (см.: Алексеев 1960: 36–37). 23 сентября Путятин получил следующий документ:

Государь император высочайше соизволил на командирование столоначальника Департамента внешней торговли, коллежского асессора Гончарова к исправлению должности секретаря при Вашем превосходительстве на все время плаванья фрегата «Паллада» в дальней экспедиции.

Высочайшую волю сию имею честь сообщить Вам, милостивый государь, и вместе с тем уведомить:

1, Что по отзыву Департамента внешней торговли г-н Гончаров получает жалованья *пятьсот четырнадцать руб. шестьдесят коп.* в год и столовых 214 руб. 43 коп. сер.

2, Что чиновник этот во время нахождения на фрегате должен получать из сумм, отпущенных на плавание сего фрегата⁸: добавочное жалованье по заграничному положению и заграничные порции по *два руб. сер.* в сутки, производство чего следует начать со дня прибытия фрегата «Паллада» в Копенгаген и окончить по возвращении в сей порт; до Копенгагена же Гончаров должен получать от Морского ведомства одни ординарные офицерские порции, т. е. стоимость двух матросских порций.

У отца был дом в Симбирске, который он заложил, чтобы достать необходимые «Ваничке» деньги. Гончаров, по приезде из кругосветного плаванья, отдал немедленно занятую сумму, забыв справиться, каким путем достал отец эти деньги» (цит. по: Романова 2008: 151). Не обсуждая вопрос, на что могла понадобиться Гончарову столь значительная сумма, укажем, во-первых, что от момента высочайшего соизволения на командировку до отплытия фрегата прошло меньше месяца, что явно мало для осуществления займа под недвижимость в другом городе и пересылки денег, а, во-вторых, что до 1857 г. братья Гончаровы владели родовым домом в равных долях. О воспоминаниях А. Н. Гончарова и степени их достоверности см.: Романова 2008: 140–163.

⁸ Годовой бюджет плаванья составлял 104 500 руб., из которых на жалованье выделялось 8 000 руб., на порции – 22 000 руб., на провизию – 3 500 руб., на столовые и пр. – 65 000 руб., на экстраординарные расходы – 6 000 руб. (Л. 1).

и 3., Что он штатным жалованьем и столовыми деньгами, ныне получаемыми, будет довольствуем на счет сумм Департамента внешней торговли, который удовлетворил ныне г. Гончарова таковым жалованьем по 1 октября.

Вместе с сим, согласно отношения того Департамента, Инспекторский департамент покорнейше просит Ваше превосходительство приказать, дабы Гончарову сверх заграничного жалованья было выдаваемо в конце каждого месяца по *сорока два* руб. *две с половиною* коп. сер., которые, за вычетом 2 % на пенсии <sic!>, составляют месячное жалованье его из оклада 514 р. 60 к. Жалованье это в начале каждой трети будет доставляемо, вперед за треть, из сумм Департамента внешней торговли к флота генерал-интенданту (Л. 54–55).

Как видим, не только жалование Гончарова во время плавания удваивалось, но более, чем в три раза увеличивались выплаты столовых денег. Если, служа в Петербурге, он получал немногим более 214 рублей в год, то на «Палладе» должен был получать 672 рубля. Конечно, на эти деньги покупались продукты для офицерского камбуза, но разумеется, они расходовались далеко не все – особенно учитывая скромность обедов и ужинов на «Палладе», о которой писал сам Гончаров.

Суммы на содержание секретаря Путятина выдавались из двух государственных учреждений, поэтому они вынуждены были вступить в сложные бюрократические отношения между собой. 9 октября из Департамента внешней торговли Министерства финансов в Инспекторский департамент Морского министерства поступила бумага, в которой удостоверялось, что департаментское жалование Гончарова будет три раза в год пересылаться с курьером в Морское министерство (Л. 89–89об.). В дальнейшем, судя по сохранившимся распискам, каждые четыре месяца из одного государственного кармана в другой аккуратно передавалась треть гончаровского жалования – 168 рублей 10 коп. серебром⁹.

⁹ Сохранились расписки за 13 октября 1852 г. (Л. 88; в этот день было передано жалованье за три месяца в размере 126 руб. 10 коп.), 31 января (Л. 156–156об.), 12 июня

В мае 1854 г. фрегат «Паллада» подошел к берегам России, но – с другой стороны Евразийского континента. Согласно первоначальному плану плавания, экспедиция Путятина должна была вернуться в Кронштадт, однако план постоянно менялся под влиянием различных неблагоприятных обстоятельств, и в конце концов стало ясно, что пройти обратный путь «Палладе» невозможно. С одной стороны, тому препятствовала ветхость самого судна: еще по пути в Японию фрегат подолгу простаивал на ремонте едва ли не в каждом порту. С другой – начавшаяся Крымская война: старый парусный корабль представлял бы собой отличную мишень для современных паровых английских судов, вооруженных по последнему слову техники.

Несмотря на длительные и трудные переговоры с японским правительством, договор к тому времени так и не был подписан, поэтому миссию экспедиции нельзя было считать завершенной. Но Путятин прекрасно понимал, что в сложившихся обстоятельствах продолжать ее невозможно, и он принял решение отправить в Петербург тех своих подчиненных, которые ему больше были не нужны. 29 июня адмирал докладывал вел. кн. Константину Николаевичу: «...дальнейшее мое пребывание, а равно и некоторых офицеров фрегата, в здешнем краю не будет уже соответствовать цели нашего сюда назначения. Поэтому <...> я полагал бы, с одобрения г. генерал-лейтенанта Муравьева, отправиться сухим путем через Сибирь в С. Петербург, и отправить также состоящих при мне гражданских и военных лиц и часть офицеров, оставив только необходимое число оных при команде фрегата, ибо они, при нынешних обстоятельствах, могут быть употреблены в других морях деятельнее и с большею пользою, чем здесь»¹⁰.

Губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев, только что завершивший экспедицию по реке Амур, находился в

(Л. 221–221об.) и 9 сентября (Л. 245–245об.) 1853 г., 29 января (Л. 303–303об.) и 3 мая (Л. 323–323об.) 1854 г.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 250–250об. (делопроизводственный № 260; в составлении этого документа, как и других донесений Путятина, принимал участие Гончаров как секретарь адмирала).

тех же краях, и дальнейшие свои действия Путятин согласовывал с ним. Из донесения ему адмирала от 13 июля становится понятно, почему без его содействия командировать часть членов экспедиции обратно в Петербург невозможно – на «Палладе» кончились деньги:

Из числа состоящих при мне лиц я признаю нужным: адъютанта его императорского высочества генерал-адмирала, лейтенанта барона *Крюднера* отправить с некоторыми бумагами курьером к его высочеству в С. Петербург и командированного по высочайшему повелению в должность секретаря при мне коллежского асессора Гончарова возвратить к месту настоящей его службы, в Министерство финансов, где он, по случаю прекращения занятий при мне, по нынешним обстоятельствам, на неопределенное время, может быть употреблен с большею пользою, нежели здесь.

Представляя о сем на одобрение Вашего превосходительства, имею честь покорнейше просить благосклонного распоряжения насчет отправления означенных лиц через Сибирь до С. Петербурга, т. е. касательно снабжения их паспортами и подорожными по казенной надобности, а равно и деньгами на путевые издержки в Аяне или где изволите найти нужным, ибо в моем распоряжении, кроме кредитивов на иностранных банкиров, никаких денег не имеется.

Я с своей стороны полагал бы выдать г. *Гончарову* и барону *Крюднеру* прогонные деньги в том количестве, в каком оные выдаются по положению для проезда через Сибирь, по различию чинов каждого, и кроме того назначить сим обоим лицам деньги на подъем по триста рублей серебром, так как они должны были большую часть вещей своих оставить здесь.

Что же касается до жалованья, то г. *Гончаров* и барон *Крюднер* удовлетворены оным наравне с прочими лицами экспедиции <...> только по 1-е января текущего года, а порционными по день отбытия их с фрегата «Паллада». На случай, если б Вашему превосходительству благоугодно было приказать выдать им жалованье с 1-е января по 1-е июля, честь имею донести, что

оного причитается за шесть месяцев: г. *Гончарову* 252 р. 15 коп. по внутреннему положению и столько же по заграничному, всего *пятьсот четыре руб. тридцать* коп. сер. <...> (Л. 392–393об.)¹¹.

В середине июля к берегам Сибири подошел прибывший из Кронштадта фрегат «Диана», который должен был заменить обветшавшую «Палладу». 27 июля Путятин принял решение остаться для завершения переговоров, но часть офицеров и чиновников, в том числе Гончарова, все же решил отправить в Петербург сухим путем. Этим же днем датировано несколько донесений и рапортов: и в Петербург, и Муравьеву. В рапорте морскому министру вел. кн. Константину Николаевичу адмирал так объяснял свои действия:

Рапортом моим от 29 июня, № 260, я имел счастье доносить Вашему Императорскому Высочеству, что как настоящее военное время и необходимость ввести фрегат «Паллада» в р. Амур препятствуют окончательному исполнению высочайше возложенного на меня поручения, то я полагал, по приведении фрегата в безопасное положение, возвратиться в С. Петербург. Прибытие фрегата «Диана» изменяет это решение. Пополнив запасы фрегата «Диана», сколько позволяют средства Амурской экспедиции и фрегата «Паллада», я немедленно направлюсь в Камчатку, дабы узнать о настоящем положении Петропавловского порта, и буду располагать пребыванием своим там сообразно обстоятельствам и времени года. Из Петропавловска я отправлюсь в крейсерство, предоставляя себе запасаться провизиею на островах, более удаленных от обыкновенного пути судов, или в нейтральных портах. Вредя при этом торговле противников, по мере наших средств и сил, крейсерство фрегата Диана будет более полезно, чем недействительное укрывание в порт. При встрече с неприятелем, хотя и превосходнейших сил, мы будем стараться поддержать честь русского флага.

¹¹ Делопроизводственный № 266. Обратим внимание на то, что в другом документе говорилось, что Гончаров получал 514 р. 60 коп. в год (см. выше).

На пути из Камчатки я располагаю зайти опять в Японию и попытаться окончить переговоры, начатые уже нами, с некоторым успехом, в трехкратное посещение Нагасаки¹².

В тот же день Путятин решил отправить в Петербург и лейтенанта П. А. Тихменева¹³ и ходатайствовал перед Муравьевым о выдаче ему, Гончарову и Крюднеру дополнительных порционных: Гончарову и Тихменеву с 18 июня по 1 августа по 88 руб. серебром, Крюднеру с 10 июля по 1 августа 44 руб. серебром (Л. 395–395об.)¹⁴. Спустя три дня он вспомнил, что Гончаров и Крюднер были обеспечены жалованием лишь по 1 июля, а поскольку они задержались с отъездом, то просил Муравьева «сделать распоряжение о выдаче им жалованья с 1-го июля, считая по внутреннему и заграничному положению: г. Гончарову по *восьмидесяти четыре*, барону Крюднеру по *шестидесяти пяти* руб. серебром в месяц, по день их отбытия с фрегата <...> или по крайней мере по 1-е августа сего

¹² РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 253об.–254 (делопроизводственный № 276). В 1911 г. Андре Мазон опубликовал фрагмент письма Путятина от 27 июля 1854 г. из архива Департамента таможенных сборов Министерства финансов с положительной характеристикой деловых качеств Гончарова, благодарностью за ходатайство о назначении его в экспедиции и рекомендацией его «для исполнения разного рода поручений», адресованного, по мнению публикатора, морскому министру (см.: Мазон 1911: 50–51). Мазона не смутило ни место хранения этого документа, ни обращение «Ваше превосходительство», решительно невозможное в письме адмирала к великому князю, к тому же своему начальнику (вел. кн. Константину Николаевичу Путятин писал с обращением «Ваше императорское высочество», как было положено по этикету). Скорее всего, адресат письма адмирала – министр финансов П. Ф. Брок, который способствовал назначению писателя его секретарем (см. письмо Гончарова к нему от 2 сентября 1852 г. – Гончаров 2017: 101–102). Это подтверждается и тем, что в тексте письма упомянут другой документ – некое «представление» от 4 (16) сентября 1853 г. (делопроизводительный № 134), где также высоко оценивались деловые качества Гончарова: нет сомнения, что упомянутое «представление», поддержанное именно министром финансов, и способствовало очередному карьерному шагу Гончарова (см. выше, примеч. 3). К слову, упоминая опубликованное Мазоном письмо в составленной им «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова», А. Д. Алексеев поименовал его рапортом и ошибочно указал, что, кроме Гончарова, в нем также речь шла о Н. Н. Крюднере и П. А. Тихменеве (см.: Алексеев 1960: 46).

¹³ См. рапорт Путятина Муравьеву от 27 июля 1854 г. (Л. 394–394об.; делопроизводственный № 275).

¹⁴ Делопроизводственный № 277.

года» (Л. 396об.)¹⁵. На следующий день Путятин послал в Петербург два рапорта. В первом из них он сообщал о решении отправить в Петербург трех гражданских лиц, находившихся при экспедиции: корабельного священника и переводчика архимандрита Аввакума, дипломата и также переводчика И. А. Гошкевича и Гончарова¹⁶, во втором – «офицеров, дальнейшее пребывание которых на фрегате “Паллада”, по приходе оного в р. Амур, признано будет бесполезным», а также выдать уже ожидающим отправки домой Крюднеру, Тихменеву и Гончарову по 300 рублей каждому на подъем, поскольку они «большую часть своих вещей должны оставить здесь и потом войти в новые непредвиденные издержки» (Гончаров 2000: 138)¹⁷.

2 августа 1854 г. Гончаров наконец покидает борт фрегата «Паллада» и переходит на шхуну «Восток», которая отвозит его и спутников в порт Аян, откуда начиналась долгая дорога до Петербурга. «Теперь возвращаюсь сухим путем, – читаем в его письме М. А. Языкову из Аяна от 17 августа, – но что мне предстоит, если бы Вы знали, боже мой: 4 тысячи верст и верхом через хребты гор, и по рекам, да там еще 6000 верст от Иркутска» (Гончаров 2017: 221). Про свой путь от Аяна до Иркутска писатель подробно рассказал в своей книге «Фрегат “Паллада”». Стоит лишь напомнить, что в Иркутск он прибыл 25 декабря, откуда 15 января 1855 г. выехал в Петербург.

Едва ли Гончаров потратил жалование за год с лишним плавания, однако перед сухопутной дорогой ему было выдано на прогоны 500 рублей «из сумм путевой канцелярии» Муравьева (л. 381об.). Вернувшись в Иркутск, губернатор Восточной Сибири не забыл про путников с «Паллады» и отдал распоряжение иркутскому губернатору К. К. Вентцелю отпустить причитающиеся им деньги. 7 октября он отправил морскому министру рапорт:

¹⁵ Делопроизводственный № 280.

¹⁶ Частично процитировано: Гончаров 2000: 411–412 (здесь ошибочно указано, что в донесении речь идет об Аввакуме, Гончарове и Тихменеве; см.: РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 255–256, делопроизводственный № 283).

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Ед. хр. 4601. Л. 2об.–3 (делопроизводственный № 284). В Гончаров 2000 это донесение опубликовано по копии и не полностью.

Согласно требований г. генерал-адъютанта Путятина <...> сделано мною распоряжение о выдаче из Иркутской казенной палаты денег на удовлетворение всем денежным довольствием отпавленных с фрегата «Паллада» чинов, а именно: адъютанта Вашего императорского высочества лейтенанта барона Крюднера, лейтенанта 15 флотского экипажа Тихменева и чиновника Министерства финансов коллежского асессора Гончарова.

О чем почтительнейше донося Вашему императорскому высочеству имею честь покорнейше просить не оставить зависящим распоряжением о возвращении из сумм Морского министерства здешней Казенной палате денег, выданных помянутым лицам, согласно представляемой при сем ведомости, всего четыре тысячи сорока девяти рублей тридцати восьми и трех четвертей копеек серебром (Л. 388–388об.)¹⁸.

К рапорту была приложена ведомость, согласно которой Гончаров должен был получить в Иркутске жалованья по внутреннему положению с 1-го января по 1-е июля 1854 года – 504 руб. 20 коп.¹⁹, жалованья по заграничному положению с 1-го июля по 1-е августа – 84 руб., порционных с 18-го июня по 1-е августа – 88 руб., подъемных – 300 руб., прогонов от Аяна до Петербурга – 520 руб. 73 $\frac{1}{4}$ коп. (Л. 390об.–391).

Вслед за этим рапортом 5 ноября в канцелярию Морского министерства отправилось отношение из Департамента государственного казначейства, где также назывались точные суммы, зарезервированные для выдачи Гончарову, который в тот момент находился еще в Якутске. Эта бумага интересна тем, что в ней указывалось количество лошадей, выделенных Гончарову. По пути от Аяна до Нелькана, где не было станций и, следовательно, лошадей переменять было нельзя, за ним было зарезервировано шесть лошадей: на одной он ехал сам, на другой – его слуга Тимофей²⁰,

¹⁸ Указано: Алексеев 1960: 47–48.

¹⁹ Напомним, что в рапорте Путятина Муравьеву указывалась сумма 504 р. 30 (а не 20) копеек причем по внутреннему и заграничному положению вместе.

²⁰ Гончаров писал о нем Н. А. Майкову и его семье в письме от 14–16 сентября 1854 г. из Якутска: «У нас четыре человека прислуги, у меня повар, он же и лакей. Это

третья везла поклажу, а еще три шли порожняком, отдыхая. В конце рапорта содержался запрос, «на счет каких сумм должны быть отнесены означенные 1496 р. 93 $\frac{1}{4}$ к.», выплаченные в Иркутске Гончарову (Л. 381–382).

Сохранившиеся бумаги показывают, что два министерства спустя некоторое время разобрались между собой, как им распределить названную сумму; правда, отметим забавный факт: в процессе переписки между ведомствами кто-то допустил ошибку, и сумма полугодичного жалования Гончарова увеличилась с 504 руб. 20 коп. до 540 руб. 20 коп. (Л. 534, 535об.). В итоге в Иркутск было отправлено на 36 рублей больше положенного, что не могло не вызвать недоумение у местного казначея и, вероятно, родило новый виток переписки.

Итак, 25 февраля 1855 г., удовлетворенный жалованием лишь по 1 августа прошлого года, Гончаров прибыл в родное Министерство финансов и вступил в должность старшего столоначальника, на которую был зачислен 5 октября 1854 г., еще находясь в Якутске (см.: Суперанский 1916: 176–177). Уже в Петербурге ему выплатили недостающее жалование, но меньше, чем он рассчитывал. Судя по всему, он был страшно этим расстроен и запустил бюрократическую машину. 22 апреля Департамент внешней торговли отправил в Инспекторский департамент Морского министерства ходатайство о выплате своему столоначальнику двойного жалования и заграничных порционных вплоть до времени его возвращения в Петербург. Как помним, и двойное жалование, и заграничные порционные должны были выплачиваться офицерам «Паллады» лишь до прибытия обратно в Копенгаген. Но фрегат остался у восточных берегов и ни до какого Копенгагена не дошел, а Гончаров вынужден

адмиральский повар, отпущенный со мною домой. Повар этот – немалое утешение для меня. Сколько раз, мучимый предвкушением огромного пути, лежал я в дымной, грязной юрте или на лодке на Майе и постепенно успокоивался, глядя, как этот повар суетится со сковородой около якутского чувала или около разложенного на носу лодки огня, как успешно поджаривается котлетка или нами же застреленная на реке утка, а один раз, так купленные мною у якута только что убитые рябчики. Мрачные мысли тихохонько исчезали, я на минуту мирился с судьбой и кушал» (Гончаров 2017: 225–226).

был вернуться в Петербург сухим путем не по своей воле – что могло лишить его весьма ощутимой суммы. Случай был столь необычным, не имевшим прецедентов, что в Морском министерстве было возбуждено целое дело для всестороннего расследования этого казуса.

6 июня в Комиссариатском департаменте был подготовлен доклад «О выдаче надворному советнику Гончарову, находившемуся в должности секретаря при генерал-адъютанте Путятине, жалованья и порционных денег по заграничному положению»:

Инспекторский департамент Морского министерства <...> препроводил в Комиссариатский департамент на распоряжение отношении Департамента внешней торговли от 22 того же апреля за № 6863, касательно производства содержания надворному советнику Гончарову за время нахождения его в должности секретаря при генерал-адъютанте Путятине.

Из сего отношения Департамента внешней торговли между прочим видно:

1, что состоящий в должности секретаря при генерал-адъютанте Путятине, служащий в Департаменте внешней торговли столоначальником Гончаров удовлетворен был, по распоряжению г. вице-адмирала Путятина, следующим ему жалованьем и содержанием вообще по 1 августа минувшего года.

2, что г. Гончаров, проезжая чрез Иркутск, обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири с просьбою об удовлетворении его всем содержанием, следующим ему по званию секретаря при г. генерал-адъютанте Путятине, с 1 августа 1854 по 1 января сего года.

3, что по нахождению этого чиновника в ведении г. министра финансов и неассигнованию на этот предмет в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири никакой суммы, генерал-лейтенант Муравьев не мог удовлетворить вышеупомянутой просьбы г. Гончарова и сообщил об оной г. министру финансов, присовокупив: а., что г. Гончаров, применяясь к существующим узаконениям, должен получить все назначенное ему при

г. генерал-адъютанте Путятине содержание по день прибытия его к прежнему месту служения, если однако это будет им исполнено в установленный поверстный срок, со времени отправления его от г. вице-адмирала Путятина, и в., что г. Гончаров прибыл морем в Аян 16 августа, а как от Аяна до С. Петербурга считается 9632 $\frac{1}{4}$ версты, то установленный поверстный срок сказанному чиновнику оканчивается 25 февраля сего года.

и 4., что надворный советник Гончаров, возвратившийся из командировки в поверстный срок к своей должности, представил в оный Департамент в подлиннике полученное им по прибытии 25 декабря 1854 года в Иркутск предписание г. генерал-майора Венцеля от 16 сентября 1854 г. за № 480, касательно удовлетворения его, Гончарова, из Иркутского казначейства, по званию секретаря при генерал-адъютанте Путятине как прогонными от порта Аяна до С. Петербурга деньгами, так и неполученными им на фрегате «Паллада», по наименованию российской монеты, жалованьем и порциями по 1 августа минувшего года, просит ходатайствовать у Морского ведомства выдачи ему причитающихся в 6 месяцев и 25 дней, считая с 1 августа 1854 года, денег из производившихся ему от сего ведомства 514 р. сер. жалованья в год и 56 руб. порционных денег в месяц, так как командировка его должна считаться оконченною в день прибытия в узаконенный поверстный срок к настоящей должности.

Вследствие сего Департамент внешней торговли просит войти в рассмотрение ходатайства г. Гончарова об отпуске ему от Морского ведомства добавочного содержания с 1 августа 1854 по 25 февраля сего года, присовокупляя, что, по мнению его, согласно с заключением г. генерал-лейтенанта Муравьева, г. Гончаров, будучи отправлен в С. Петербург сухим путем по распоряжению г. генерал-адъютанта Путятина вследствие непредвиденных прежде политических обстоятельств, имеет полное право на получение от Морского ведомства по день прибытия его в С. Петербург в поверстный срок всего содержания от сего ведомства, которое было ему назначено при отправлении его в командировку (Л. 548–551).

Разумеется, была запрошена справка, из которой выяснилось, в том числе, что следовавшие из Сибири в Петербург офицеры «Паллады» не были столь меркантильны, как Гончаров²¹, и дополнительного жалования себе не выпрашивали:

...из возвращавшихся с фрегата же «Паллада» в С. Петербург морских чинов мичман князь Урусов²² удовлетворен заграничным довольствием по день прибытия в Иркутск, а флигель-адъютант капитан 2 ранга Унковский²³, Корпуса флотских штурманов подполковник Хализов²⁴ заграничными порциями по 17 сентября 1854 года, прочие же офицеры не более как по 1 сентября 1854 года, и ни от кого из них требований об удовлетворении заграничным жалованьем и таковыми же порциями по день прибытия из Сибири в С. Петербург в Комиссариатский департамент не поступало (Л. 553–553об.).

Казус Гончарова был настолько неординарным, что Комиссариатский департамент заинтересовался, были ли изданы какие-нибудь законы или постановления, регламентирующие подобные случаи. Оказалось, что еще 14 января 1825 г. был высочайше утвержден доклад тогдашнего начальника Морского штаба, вице-адмирала А. В. фон Моллера²⁵, согласно которому «довольствие чиновников и команд Морского ведомства, в случаях переходов их из здешних мест в Охотск и Камчатку и обратно, во всем определено по Камчатскому или Охотскому положению, в границах от Иркутска до

²¹ К слову, укажем размеры жалования некоторых спутников Гончарова: равные ему по чину капитан-лейтенанты (также 8-й класс) В. А. Римский-Корсаков (капитан шхуны «Восток») и И. В. Фуругельм (капитан транспорта «Князь Меншиков») получали по 345 руб. в год, лейтенанты – по 315 руб., мичманы – по 245 руб. (см.: РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Ед. хр. 4601. Л. 16 pass.).

²² Сергей Степанович Урусов – гардемарин (с августа 1853 г. мичман) на фрегате «Паллада».

²³ Иван Семенович Унковский – капитан фрегата «Паллада».

²⁴ Александр Антонович Хализов (Хализов) – старший штурман фрегата «Паллада», один из самых пожилых участников экспедиции, к моменту начала экспедиции отслуживший свыше тридцати лет.

²⁵ См. РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 122–123об. Там же. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 30–32; далее приведена почти точная выписка из этого доклада.

Камчатки, между Иркутском же и С. Петербургом по одинаким окладам» (Л. 554).

Здесь же находится расчет денег, которые полагалось бы выплатить Гончарову как в случае положительного решения его ходатайства, так и в случае отказа. При расчете заграничного жалования и заграничных порционных до дня его прибытия в Петербург, ему полагалось бы 701 руб. 72 коп., считая же только до дня его прибытия в Иркутск – 493 руб. 68 коп. (Л. 554об.–555). Как видим, разница составляла 208 руб. 04 коп. – довольно солидная сумма, почти равная его годовым порционным.

Доклад подытоживало мнение начальника 1-го отделения Комиссариатского департамента барона Э. Р. Штейгера, который находил, «что хотя по буквальному смыслу как высочайшего повеления о командировании надворного советника Гончарова к генерал-адъютанту Путятину, так и высочайше утвержденного 14 января 1825 года доклада начальника Морского штаба добавочное содержание следует производить г. Гончарову только за время плавания на фрегате “Паллада” и потом до прибытия в Иркутск, но принимая во внимание, что надворный советник Гончаров возвратился ныне сухим путем по обстоятельствам, непредвиденным при отправлении фрегата и от него не зависевшим, полагает: удовлетворить его заграничным содержанием до времени прибытия в С. Петербург <...>, о чем и представить на благоусмотрение Адмиралтейств Совета» (Л. 555–556).

На следующий день этот доклад слушали в общем присутствии Комиссариатского департамента, которое его утвердило и также постановило «представить на благоусмотрение Адмиралтейств Совета» (Л. 560), высшего хозяйственного учреждения Морского министерства. Последовало несколько бюрократических проволочек при передаче доклада в вышестоящую инстанцию, и заседание Адмиралтейств Совета, на котором он был рассмотрен, состоялось лишь 24 июня. Как и можно было предположить, Совет стал на сторону закона и не согласился с мнением Общего присутствия Комиссариатского департамента:

Имея в виду, что приведенные в представлении постановления дают право надворному советнику Гончарову на заграничное содержание только за время пребывания его на фрегате «Паллада» и нахождения в пути до г. Иркутска, каковым содержанием Гончаров должен воспользоваться, Совет не нашел затем законного основания к удовлетворению Гончарова таким же содержанием за время, проведенное им при возвращении из командировки на фрегате «Паллада» в пути от Иркутска до С. Петербурга, и положил: сообщить о том департаментам Морского министерства: Инспекторскому для сведения, а Комиссариатскому для зависящих распоряжений, выписками из журнала (Л. 573об.-574).

Казалось бы, такое решение ставило крест на желании Гончарова получить дополнительные деньги, но он проявил настойчивость. 4 июля на стол генерал-адмирала, вел. кн. Константина Николаевича легла следующая бумага, подписанная управляющим Морским министерством, бароном Ф. П. Врангелем, и представляющая собой краткий экстракт дела:

По высочайшему повелению был командирован в 1852 году к генерал-адъютанту Путятину для исправления должности секретаря на все время плавания фрегата «Паллада» в дальней экспедиции столоначальник Департамента внешней торговли коллежский ассессор Гончаров, с назначением ему содержания по заграничному положению, а именно: *двойного* оклада жалованья, должности его присвоенного, и порционных по 2 р. сер. в сутки, со дня прибытия фрегата «Паллада» в Копенгаген, до возвращения в этот же порт.

По военным обстоятельствам Гончаров возвращен был в С. Петербург сухим путем, чрез Иркутск, и прибыл к прежней своей должности в установленный законами поверстный срок 25 февраля сего 1855 г., быв удовлетворен заграничным содержанием на 1-е августа 1854 г.

Департамент внешней торговли, вследствие просьбы Гончарова, ходатайствует об удовлетворении сего чиновника от Морского ведомства заграничным содержанием, по день возвращения в

С. Петербург, так как он был отправлен сухим путем вследствие непредвиденных политических обстоятельств.

Закон. Высочайше утвержденным в 14 день генваря 1825 г. докладом начальника Морского штаба определено чиновников и команды Морского ведомства при отправлениях из здешних мест в Охотск, Камчатку и обратно, довольствоваться по Камчатскому или Охотскому положению в границах от Иркутска до Камчатки; между Иркутском же и С. Петербургом по одинаким окладам.

По точному смыслу высочайшего повеления о командировании надвор<ного> сов<етника> Гончарова в распоряжение г<енерал>-а<дьютанта> Путятина и высочайше утвержденного 14 генваря 1825 г. доклада начальника Морского штаба, Гончаров имеет право на добавочное содержание по заграничному положению только за время плавания его на фрегате «Паллада» и обратное возвращение сухим путем до Иркутска.

Со дня приезда Гончарова в Иркутск по день прибытия его в С. Петербург, всего за 2 месяца, причлось бы ему добавочного содержания по заграничному положению 208 р. 4 к.

Справка. Возвратившиеся с фрегата «Паллада» штаб- и обер-офицеры не были удовлетворены заграничным содержанием по день прибытия их в С. Петербург; но во внимание к трудностям, сопряженным с приездом из Сибири в С. Петербург и сделанным значительным путевым издержками, они получили денежные вспомошествования <...>²⁶.

Принимая во внимание, что надв<орный> сов<етник> Гончаров возвратился из означенной выше командировки в С. Петербург сухим путем по обстоятельствам, от него не зависевшим, и что прочие офицеры фрегата «Паллада» в возмещение сделанных ими путевых издержек воспользовались денежными пособиями, я полагал бы справедливым выдать Гончарову из сумм Государственного казначейства, в пособие, *двести восемь* руб. сер.

²⁶ Из документов следует, что по 300 руб. было выдано только упомянутым выше Крюднеру и Тихменеву; также проследовавшие из Аяна в Петербург «палладские» офицеры лейтенанты И. П. Белавенец и Н. Н. Савич никаких подъемных не получили (Л. 377–378).

На что имею счастье испрашивать высочайшее Вашего императорского величества соизволения (Л. 578–581об.).

Спустя всего два дня, 6 июля великий князь оставил на подлиннике этой бумаги резолюцию «высочайше разрешаю», и таким образом желание Гончарова (скромно умолчавшего о том, что ему уже выплатили 300 рублей подъемных) было удовлетворено. Впрочем, всю требуемую сумму он все же не получил. 18 июля в Департамент внешней торговли ушло извещение о положительном решении прошения и о высочайшей на нем резолюции, однако указывалось, что 20 руб. 80 коп. (то есть 10%) следует вычесть «на инвалид»²⁷, а на руки Гончарову выдать 187 р. 20 к. «под собственную его расписку» (Л. 584)²⁸. Уже на следующий день, 19 июля, он получил ассигнованную сумму (Л. 593).

На этом сюжет можно было бы кончить, но нельзя не упомянуть, что распоряжение о выдаче денег будущему автору «Обломова» не было оформлено по всем правилам, что породило бюрократическую переписку между Департаментом государственного казначейства Министерства финансов и Комиссариатским департаментом Морского министерства – из чьего бюджета следует списать выданную Гончарову сумму. В итоге это финансовое бремя взяло на себя Министерство финансов, откуда лишь 4 октября в Морское министерство поступили злосчастные 208 рублей, которые были «записаны в приход» казначеем Комиссариатского департамента (Л. 607).

²⁷ Вероятно, это был взнос в будущую эмеритальную пенсионную кассу Морского министерства, возможность создания которой в то время обсуждалась (открыта 30 апреля 1858 г. – см.: Тюрина 2019: с. р.).

²⁸ В копии этого документа присутствует лакуна, обесмысливающая текст; смысл восстанавливается из отношения Канцелярии Морского министерства казначею Комиссариатского департамента с распоряжением о выдаче указанной суммы (Л. 585–585об.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев А. Д. 1960. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Вдовин А. В. 2015. Гончаров и деньги (по материалам писем 1861–1891 гг.). – Гончаров после «Обломова»: Сборник статей. СПб.; Тверь: Издательство Марины Батасовой. С. 303–319.
- Гончаров И. А. 1952. Собр. соч. Т. 8. М.: Правда. (Библиотека «Огонек»).
- Гончаров И. А. 1980. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 8. М.: Художественная литература.
- Гончаров И. А. 1997. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 2. СПб.: Наука.
- Гончаров И. А. 2000. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 3. СПб.: Наука.
- Гончаров И. А. 2017. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 15. СПб.: Наука.
- Мазон А. 1911. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова. – Русская старина. № 11. С. 34–62.
- Романова А. В. 2008. Материалы для биографии И. А. Гончарова / Вступительная ст., подготовка текста и комментариев А. В. Романовой. – Русская литература. № 3. С. 140–163.
- Суперанский М. Ф. 1908. Ив. А. Гончаров и новые материалы для его биографии: I. Воспоминания А. Н. Гончарова и Е. А. Гончаровой. – Вестник Европы. № 11. С. 5–48.
- Суперанский М. Ф. 1916. Материалы для биографии И. А. Гончарова. – Огни: История. Литература / Ред. Е. А. Ляцкого, Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Кн. 1. Пг. С. 157–229.
- Тюрина М. В. 2019. Создание эмеритальной кассы Морского министерства России. – Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 2 (50). Т. 1. с. р. [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-emeritalnoy-kassy-morskogo-ministerstva-rossii>]
- Файнберг Э. Я. 1960. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Издательство восточной литературы.

REFERENCES

- Alekseev, A. D. *Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Goncharova*. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960.
- Fainberg, E. Ia. *Russko-iaponskie otnosheniia v 1697–1875 gg.* Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960.

- Goncharov, I. A. *Sobranie sochinenii*. (Biblioteka *Ogonek*. Vol. 8). Moscow: Pravda, 1952.
- . *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1980.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 2. Saint-Petersburg: Nauka, 1997.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 3. Saint-Petersburg: Nauka, 2000.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 15. Saint-Petersburg: Nauka, 2017.
- Mazon, A. "Materialy dlia biografii i kharakteristiki I. A. Goncharova." *Russkaia starina* 11 (1911): 34–62.
- Romanova, A. V. "Materialy dlia biografii I. A. Goncharova." *Russkaia literatura* 3 (2008): 140–63.
- Superanskii, M. F. "Iv. A. Goncharov i novye materialy dlia ego biografii: I. Vospominaniia A. N. Goncharova i E. A. Goncharovoi." – *Vestnik Evropy* 11 (1908): 5–48.
- . "Materialy dlia biografii I. A. Goncharova." In *Ogni: Istoriia. Literatura*. Edited by E. A. Liatskii, B. L. Modzalevskii and A. A. Sivers. Bk. 1, 157–229. Petrograd: [n. p.], 1916.
- Tiurina, M. V. "Sozdanie emerital'noi kassy Morskogo ministerstva Rossii." *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* 2 (2019): s. p. Accessed November 15, 2019. <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-emeritalnoy-kassy-morskogo-ministerstva-rossii>
- Vdovin, A. V. 2015. "Goncharov i den'gi (po materialam pisem 1861–1891 gg.)." In *Goncharov posle "Oblomova": Sbornik statei*, 303–19. Saint-Petersburg and Tver': Izdatel'stvo Mariny Batasovoi.